

ДАВИД САМОЙЛОВ ГЛАЗАМИ ЮЛИЯ КИМА.

Давид Самойлов сыграл важную роль в жизни и творчестве Юлия Кима. Исследование произведений и мемуаров Юлия Кима, посвященных поэту показало, что общение с близким другом нашло непосредственное отражение в его творчестве. Д.Самойлову был посвящен цикл «Вокруг Давида», в который вошло более десятка стихов и отрывки из летнего дневника 1984 года «Дожди в Пярну». Рассматривая статьи писателей, поэтов и литературных критиков Н. Якимчука, Е. Евтушенко, А. Зверева, Р. Банчукова, П. Вегина, В. Баевского, Л. Лавлинского, М. Эпштейна, Л. Славиной и др. [1,2,3,7,8,9] о жизни и творчестве Д.Самойлова, можно провести параллель с произведениями Юлия Кима по следующим аспектам: портрет поэта, его характер, внешность, образ жизни, особенности творчества, отношение к нему.

Цель данной статьи заключается в изучении и сравнении стихотворений и мемуаров Юлия Кима о Д.Самойлове с другими авторами, выявлении их общих и отличительных черт в описаниях поэта.

В произведениях Юлия Кима перед читателем предстает портрет Д.Самойлова. Поэт изображает друга, как сильную личность, задумчивого, мудрого, тонко чувствующего философа, бодрого и крепкого, несмотря на физические недуги:

Стоял он, дум великих полон...
 ...Он думал: что да почему,
 Зачем и, в сущности, доколе;
 В чем жизни смысл, и ветер в поле откуда... [5, 211]
 Имея разум Соломонов,
 Он создал ряд своих законов... [4, 246]
 Здесь, душою тонок
 И натурой здрав...
 ...Ростом невелик,
 Кистью рук изящен,
 Боек на язык. [4, 218]
 Сквозь темных и невнятных стекол
 Глядят глаза твои, Давид.
 Одно твое не светит око
 И кое-как другое зрит.
 Но бравый ус подкручен лихо!
 Как под рукой летает трость!
 Как далека от паралика
 И стать, и прыть, и кровь и кость! [4, 236]

Писатель Николай Якимчук характеризует Давида Самойлова как многообразную личность, называет его мудрецом и гулякой, острословом и мастером научных формулировок, просветленно, моцартиански смотрящим на мир, но иногда по-нищцеански упадающим духом. Он выделяет дружелюбие, как одну из основных черт поэта.

Юлий Ким уважительно относился к Д.Самойлову, видел в старшем друге отца, которого потерял в раннем детстве, рассказывал ему о себе самое главное, и тот, в свою очередь, серьезно слушал его, понимал, кивал своей опрятной сединой, советовал нечто важное и действительно нужное, как советует отец взрослому сыну [4, 232]. «Тот самый! Тот! Моей душой / В тумане исподволь искомый, / Моей сердечною истомой / Взыскуемый во мгле сырой...» [4, 245]

Юлий Ким любил разговоры с поэтом и считал, что они «не переворачивают жизнь, – но сильно проясняют тебе себя самого» [4, 232]. Их беседы и дружеские застолья нашли отражение в его стихах:

Промежду актуальных тем,
А также песен и поэм
Все то же. что приятно всем,
С любимым пью поэтом. [4, 220]
И мы проходим в кабинет,
Располагаясь тет-а-тет.
И вынув я своей рукою
Коньяк, откуда не пойму. [4, 245]

Евгений Евтушенко также упоминает в своих мемуарах о том, что в доме Д.Самойлова было заведено читать стихи. «Он начал с еще довоенных «Плотников...», сразу поразивших меня игрой звуком «п» в первой же строке: «Плотники о плаху притупили топоры». Продолжал он стихотворением, посвященному солдату С.А. Косову, алтайскому пахарю, спасшему его в бою 26 марта 1943 года, и из глаз поэта катились слезы». [8, 165]

У Юлия Кима и Давида Самойлова было множество близких им обоим тем. Их ценности и взгляды на жизнь были сходными, что и проявляется в стихотворениях поэта: «Сегодня ты прочел о том, / О чем ты пишешь, чем ты дышишь, / О чем и я пишу, причем, / И я дышу, о чем ты пишешь» [5, 211]. За столом друзья делились воспоминаниями о прошлом, рассказывали истории молодости, шутили, читали свои произведения, что запечатлел Юлий Ким в своих стихах: «Давид берет тетрадь / И начинает вслух читать./ И я внимаю...» [4, 248]

Тут по порядку расписанья
Положен мемуарный жанр.
«Вот помню я ...» - И в изобилье

Текут неслыханные были
 О чем угодно и про что,
 Но главное – о том, как пили
 И что при том произошло... [4, 246-247]

Особое место в жизни Давида Самойлова занимала пройденная им война. Юлий Ким пишет в своих мемуарах, что поэт любил вспоминать военное время. Он воевал четыре года – сначала в пулеметном расчете, затем – в разведке. Но вспоминал он не героические бои, а разнообразные случаи и приключения, происходившие между боями и наполненные смехом и азартом молодости [4, 224-225]. Юлий Ким любил его рассказы о военном времени. Нестандартное изображение войны ему импонировало:

Каким веселием полна
 В воспоминаниях Давида
 Вся пройденная им война! <...>
 Но для меня – простите мне! –
 Веселье этих приключений
 Значительнее всех значений
 И всех фанфар о той войне. [4, 247]

В статье «Тихо оказавшийся классиком» Е.Евтушенко вспоминает о тоске Самойлова по фронтовому братству. Поэту не хватало смертельно рискованного, справедливого дела защиты родины, которое придало ему смысл жизни, почти бессмысленной перед войной. Самойлов тосковал о справедливой войне: «Ведь из наших сорока / Было лишь четыре года, / Где нежданная свобода / Нам, как смерть, была сладка». ("Если вычеркнуть войну")

В том же году он пишет, наверное, самое нежное стихотворение о войне из всех существующих в мире. "Где бы, - говорит Е.Евтушенко, - ни звучала эта строфа - на вечере поэзии из уст самого поэта, или на концерте художественной самодеятельности, или в Театре на Таганке, или в глубине нашей памяти, - за ней сразу встает Время. А ведь это только четыре строчки!" : «Сороковые, роковые, / Свинцовые, пороховые... / Война гуляет по России, / А мы такие молодые! [6, 54] Тоска по войне вернется к поэту после диссидентских процессов, когда от него потребовали снять подпись в защиту подсудимых. Для него, пацифиста по натуре, война оказалась главной любовью: «Пью. Наливаю. Пятую. Шестую. Закусываю, глядя на луну. И всё живу. И всё же существую. А хорошо бы снова на войну».

Изучая и сравнивая работы мемуаристов, литературных критиков и исследователей творчества поэта, мы находим сходные точки зрения касательно центральной темы творчества поэта. Таким образом, в статье «Три перевала, или известный и неизвестный Самойлов» литературовед и критик Револьд Банчуков говорит о том, что военная тема, словно осколок, застряла в

памяти поэта, и уйти от нее он не смог до конца своих дней. Из попытки в сборнике "Волна и камень" попроситься с военной темой ничего не вышло: «До свидания, память, / До свиданья, война, / До свидания, камень, / И да будет волна! [6, 161]

В. Баевский продолжает исследование темы войны в творчестве Д. Самойлова в своей монографии «Поэт и его поколение». «Исповедь под пером Самойлова почти всегда становится историей времени» [1, 187]. Сугубо «личные» воспоминания о войне и молодости приводят к теме общности. Это явление можно наблюдать и в стихах хрестоматийных, «фронтowych» и в сборнике «Залив», где соседствуют стихотворения «Звезда» и «Часовой». В первом поэт поднимает тему одиночества, вспоминая, как на посту «в болотах Волховского фронта» стоял он сам, во втором речь идет о безымянном часовом. Чувство поколения, дружества, единения организует поэзию Самойлова, где угроза одиночества преодолевается надеждой на братство, памятью о нем: «Когда дойдет звезда до ветки, / Когда вернутся из разведки и / В маскхалатах прибегут на лыжах в тыл, / Придет мне смена...»

Пристальное внимание исследователей и мемуаристов Д.Самойлова привлекает своеобразие его творчества. Восторгаясь особым мастерством друга создавать рифмы, Юлий Ким называл Д.Самойлова классиком и мастером, выделяя его из блистательной плеяды соплеменников. «Замечательно хозяйничал он в своем поэтическом хозяйстве, вольно, с удовольствием, и все ему было по плечу, и озорничал как хотел – потому что плохо, нескладно у него получиться не могло». [4, 228]

Мощь, соразмерность, блеск и тонкая игра, -
 В Природе – все. Недаром мастера
 Оттуда щедро черпают поныне:
 С пустынею рифмуется унынье,
 Со звездами – глаза, с кораллами – уста,
 Волнение – с бурей. И это неспроста... [5, 237]
 Люблю небрежную рифмовку,
 Различных звуков подтасовку –
 Мне б только гласные сошлись.
 А не сойдутся – я сошлюсь
 На классиков: Давид Самойлов
 Словечко за меня замолвит,
 Поскольку сам рифмует так,
 Как ни один не смеет так! [4, 237]

Е. Евтушенко находит стихи поздней пярнуской лирики Самойлова «славными и приятными», где природа и простые человеческие чувства изображены тонко и красиво, но почти всегда с каким-нибудь «дерibasом». «То рифма под конец скрипнет, то пластика нарушится. Как будто автор боялся

совершенства» [8, 134].

Юлий Ким отмечает постоянное стремление друга пробовать в работе что-то новое, «играть во все игры», указывает на разнообразие жанров и направлений в его творчестве: элегия, баллада, комедия, стихосложение и др. Кроме того, поэт указывает на особую технику, словарь и «стилистическую продвинутость» Д.Самойлова.

В статье «Я - человек неожиданный!» Н. Якимчук говорит о том, что его поражает разнообразие стилей в произведениях Д. Самойлова. Писатель находит, что порывистые, энергичные строки стихов сочетаются в творчестве поэта с наукообразными, тяжеловатыми формулами заметок и статей.

Юлий Ким восхищается особым талантом поэта в описании природы, в частности, снегопада, называя друга «певцом осадков атмосферных» в своих дневниках «Дожди в Пярну»:

Давид! Из наших лучших первых,
 Певец осадков атмосферных!
 Как написал он снегопад!
 Как это дивное круженье
 Тревожит нам воображенье
 И завораживает взгляд! [4 ,241]

Литературоведы в своих исследованиях приходят к общему мнению, отмечая особое мастерство поэта в описании природы. Таким образом, мысль о высоком искусстве Самойлова, как поэта-живописца независимо от Ю.Кима высказывает Р.Банчуков, приводя следующие цитаты:

Внезапно в зелень вкрался красный лист,
 Как будто сердце леса обнажилось,
 Готовое на муку и на риск.
 Внезапно в чаще вспыхнул красный куст... [6, 82].

Михаил Эпштейн замечает, что природа в стихах Самойлова проста и естественна, чужда изысканности, неистовости, экзотики: «Люблю пейзаж без диких крепостей, / Без сумасшедшей крутизны Кавказа, / Где ясно все, где есть простор для глаза, - / Подобье верных чувств и сдержанных страстей ("Начало зимних дней")».

По мнению М. Эпштейна, поэту идеальным представляется подмосковный ландшафт ("Подмосковье", "Березы, осины да елки..."). В последних сборниках видное место занимают эстонские пейзажи ("Пярнусские элегии" и др.). Самойлов поэтизирует в природе мягкие, плавные линии, чистые, неяркие краски, воздушную свежесть и прохладу - одним словом, красоту уравновешенности ("Снегопад", "Красота пустынной рощи...", "Слова", "То осень птицы легче...", "Старый город"). Особо выделяются образы "волны",

"залива", в которых поэта привлекают плавная подвижность и чистота: «А благая прохлада / Пусть течет и течет» [6, 161] («Возвращенье от Анны...») Заслуживает внимания суждение Р.Банчукова о том, что прибалтийский пейзаж - даже в непогоду - приносил поэту ощущение легкости и жизненной свободы: «Что за радость! Непогоды! / Жизнь на грани дня и тьмы, / Где-то около природа, / Где-то около судьбы» [2, 10].

В.Баевский выделяет в стихотворениях поэта отрывистые простые предложения, подчеркнутую символичность пейзажа, «тяжкий груз» опорных слов – «холодно», «бездна», «одинокий». Интонация и лексика подводят к неожиданному для Самойлова мотиву. Безоглядное мужество поэта теперь соседствует со страхом, который читается между строк стихотворения: «Пой для храбрости, идя в долину, / Пой погромче, сдерживая дрожь...»

Критик отмечает, что в поздних стихах ценности поэта несколько меняются – прежде устремление вперед было неотделимо от оглядки. Оказавшись «за перевалом», поэт не оглядывается назад, с тяжелой иронией роняя горькие слова: «Я устарел, как малый юс, / В сырой тени воспоминаний».

В. Баевский подчеркивает, что в позднем творчестве Самойлов все чаще поднимает тему одиночества. Последняя его книга называется «Голоса за холмами» и открывается одноименным стихотворением. В последней строфе обрывается фраза, за которым звучит: «Кличут давние тени, а потом замирают»: «Там кричат и смеются, / Там играют в лапту, / Там и песни поются, / Долетая отгу...»

Литературовед замечает, что в Пярну поэта не оставляли элегические мысли о конечности земного бытия: «Рассвет, рассвет. Начало дня. / Но это будет без меня». Таким образом, привычная для Самойлова тема воспоминаний сменяется иной – темой одиночества: «Холодно. никто тебя не встретит. / Камень в бездну канул из-под ног. / Лишь внизу, в долине, робко светит / Одинокой сакли огонек».

Внимание мемуаристов и исследователей творчества Д.Самойлова привлекает вопрос истоков его творчества. Юлий Ким считал Давида Самойлова своим учителем, называя его первым русским поэтом, «единственным живым наместником Пушкина на земле», что засвидетельствовано не только в мемуарной прозе, но и в стихах: «Давид! Мы знаем: только ты / С Лексан Сергейчем пил из кружки». [5, 546] «И стихи он пишет / Пушкину под статью...» [4, 218]

Подтверждение этой точки зрения мы находим у Е. Евтушенко, который говорит о том, что Самойлову свойственна царскосельская лицейская свобода. Он единственный писал о Пушкине так, будто тот был его собутыльником. По мнению Евтушенко, Самойлов унаследовал от Пушкина искрящуюся легкость стиха. И двигался он по жизни так же легко, импровизационно. Но за беспечностью Самойлова скрывалась постоянная работа острого, порой безжалостного ума, что особенно ощущается в его дневниках. И почти невесомое перо перепархивало от лубочного скоморошества к пушкинско-

шекспировской трагедийности.

В. Баевский и Л. Лавлинский также отмечали, что Д. Самойлов находит опору в традициях А. Пушкина и Ф. Тютчева. Поэт Петр Вегин в статье «Волна и камень» писал: «Сначала Давида Самойлова причисляли к военным поэтам, потом к «тихим», совсем недавно - к продолжателям философской лирики Ф. Тютчева и А. Фета».

В статье «Звезда Давида Самойлова» Лидия Славина говорит о том, что его поэзия следует традициям классического русского стиха, сочетая их с опытом поэтов начала 20 в. – прежде всего В. Хлебникова и Б. Пастернака. Осознание своего места в русской поэтической традиции, размышления над сущностью поэзии и уделом поэта — темы, занимающие важное место в творчестве Самойлова («Старик Державин», «Мастер», «Дом-музей» и др.). В своих критических работах А. Зверев пишет, что Самойлов не стал на сторону прогресса, не отвергая предысторию. Он воспринимал поэта как не совсем определившегося в своих исканиях. В поэзии Самойлова критик видел скорее нейтральное, чем действенное начало: «Он не стремился к спору, держался от власти в стороне и никогда не становился бунтовщиком мысли».

Несмотря на несколько противоречивые точки зрения и неоднозначные оценки критиков, Д. Самойлов пользовался неоспоримым авторитетом среди своих современников. Многие писатели и поэты прислушивались к его мнению и советам касающимся творчества. Самойлов нередко критиковал произведения своих друзей, в том числе, Юлия Кима. Он не любил крамольных песен барда, называя их «палитицкими». Самойлов просил друга петь ему «лирические и художественные, а палитицких мне не надо». Тем не менее Ю.Ким был похвален за песню «Матушка Россия» не смотря на крамольную тему. Самойлов назвал ее художественной.

Георгий Ефремов также вспоминает о поэте, как о строгом критике его произведений и советчике в заметках о Давиде Самойлове «Желтая пыль». «Получил твое письмо с хорошим стихотворением. В стихах твоих нет почти недостатков. Какой-то недостаток есть в твоей поэзии, где мало внешнего контакта, где интерес сосредоточен только на тебе без выхода “в меня”. Нужно обладать эпатурирующей силой Бродского, чтобы это кого-нибудь проняло. Поэтому поэзия у тебя получается, а успеха ничто не сулит. Ты поэт в вате... О литовской книге. Я думаю, что пора начать ее составлять» [3, 65].

В статье «Тихо оказавшийся классиком» Е. Евтушенко вспоминает, как Б.Слущкий сказал: «Это поэт лучше меня», несмотря на то, что у Самойлова тогда еще не было издано ни одной книжки.

Юлий Ким проводит параллели между своим творчеством и работами друга, признавая превосходство последнего. «Мастер наш – с абсолютным слухом. (...) У меня тоже слух ничего. Но я не мастер». [4, 219]

Он – мастер, честь ему и слава.

В нем всё так высоко и ладно!

Он о себе имеет право

И откровенно, и беспощадно.
 А если я начну вот так же
 Со дна души прямую речь –
 То никакой поэзии не получится... [5, 216]
 А его-то каша густа
 И хотят ее все уста:
 Так навариста, так вкусна...
 А моя-то каша пуста,
 Так, болтушечка из овса.
 Но голодного всё ж насытит. [4, 217]

В стихе «В городе Пернове» Юлий Ким отождествляет Давида Самойлова с балтийским воздухом и Ганнибаловым духом («Сон о Ганнибале» Д. Самойлов), который «управляет» им при написании песен в Пярну. В своих дневниках «Дожди в Пярну» Юлий Ким вспоминает о том, что именно в этом городке он учился петь. И в этом можно заметить влияние его старшего друга.

Но балтийский воздух
 Чист и честен так,
 Что не даст и слов двух
 Сочинить кой-как.
 А в Пернове-граде
 Ганнибалов дух
 Слов не даст в тетради
 Зря испортить двух. [4, 218]
 Чтобы в каждом слове
 Было много чувств.
 Петь насколько возможно,
 Просто, без виньет... [4, 218]

Показательны и слова Л.Славиной о том, что для русских, живущих в Эстонии, Д.Самойлов был не только автором любимых стихов, но и примером, как можно жить за границей, не опускаясь до мелочей, не теряя достоинства, в творческом уединении и общении, создавать родину вне родины - в работе. Она проводит параллель между жизнью поэта в Пярну и тартуской эмиграцией Лотмана, называя Самойлова корифеем, выдающимся специалистом в своем деле, мыслителем, несмотря на тот факт, что Юрий Лотман написал многочисленные тома, а Самойлов, кроме стихов - всего одни мемуары "Памятные записки", которые были опубликованы его супругой Галиной Медведевой в Москве в 1995 г.

В своих мемуарах «Дожди в Пярну» Юлий Ким изображает Галину Ивановну, как добрую умную женщину, заботливую хозяйку дома: «(Галине Ванне по уму / Уступит женщина любая), / Внесла салат и колбасу, / Лобзнув

меня по ходу дела» [4, 245].

Юлий Ким описывает обстановку, которая окружала его во время пребывания в городке, где жил Самойлов. Поэт изображает Пярну, прибалтийскую природу, побережье, дождливую погоду:

По прибалтийским небесам
Несется пасмурная зелень
Все набок, навзничь, наизнанку...
...Весь в лужах берег вожделенный
Прибой да ветер оглашенный. [4, 234]

Изучая и сравнивая произведения и мемуары Юлия Кима, посвященные Давиду Самойлову, с другими авторами, писателями, поэтами и литературными критиками (Н. Якимчук, Е. Евтушенко, А. Зверев, Р. Банчуков, П. Вегин, В. Баевский, Л. Лавлинский, М. Эпштейн, Л. Славина и др.), и выявляя их общие и отличительные черты в описаниях поэта, можно прийти к выводу, что их мнения совпадали в следующих аспектах: его портрет, особенности направлений в творчестве, признание его авторитета, как учителя и образца. Мнения литературоведов и мемуаристов, касающиеся истоков произведений Давида Самойлова несколько расходятся. Изучение творчества Юлия Кима посвященного Д.Самойлову позволяют сделать вывод, что поэт проявляет себя как искусный портретист и мемуарист. В своих произведениях он создает яркий портрет друга, раскрывая перед читателем всю сложность и многогранность его личности и творчества.

Литература

1. Баевский В. Давид Самойлов: Поэт и его поколение. – М.: Сов. писатель, 1986. – 256 с.
2. Банчуков Р. Три перевала, или известный и неизвестный Самойлов // Вестник. – 1998. – 10 ноября (№ 23).
3. Ефремов Г. Жёлтая пыль. Заметки о Давиде Самойлове // Дружба Народов». – 2003. – № 10-11.
4. Ким Ю. Антология сатиры и юмора России XX века. Том 38. – М.: Изд-во Эксмо, 2005. – 432с.
5. Ким. Ю. Стихи и песни . – М.: Время, 2007. – 576 с.
6. Самойлов Д. Избранное: Стихотворения и поэмы. – М.: Худ.лит., 1980. – 448с.
7. Славина Л. Звезда Давида Самолова // МЭ Суббота. – 2000. – 26 февр.
8. Строфы века. Антология русской поэзии. / Сост. Е.Евтушенко. – Минск-Москва: Полифакт, 1995.
9. Эпштейн М. Природа, мир, тайник вселенной. Система пейзажных образов в русской поэзии. – М.: Высшая школа, 1990. – 304 с.

Анотація

І.В. Грачова. Давид Самойлов очима Юлія Кіма.

В статті вивчено та проаналізовано праці мемуаристів та літературних критиків присвячених життю і творчості поета Давида Самойлова. В статті мова йдеться про спільні та відмінні погляди Юлія Кіма та інших літераторів у зображенні поета. Надається загальна характеристика Д. Самойлова та особливості його творів, розглядається відношення до нього, яке знайшло відображення у працях та творах авторів. У статті продемонстровано, що поет Юлій Кім виступає як майстерний мемуарист та портретист, зображуючи близького друга у своїй поезії та спогадах.

Ключові слова: загальна характеристика, мемуарист, портретист, витоки, віршування, рима.

Аннотация

И.В.Грачева. Давид Самойлов глазами Юлия Кима.

В статье изучены и проанализированы произведения мемуаристов и литературных критиков посвященные жизни и творчеству Давида Самойлова. В статье отображены общие и отличительные точки зрения литераторов на изображение поэта. Приводится общая характеристика Д. Самойлова и особенности его творчества, рассматривается отношение к нему, которое нашло отражение в работах и произведениях авторов. Юлий Ким выступает как искусный мемуарист и портретист, раскрывая всю сложность и многогранность личности и творчества друга в своей поэзии и дневниках.

Ключевые слова: общая характеристика, мемуарист, портретист, истоки, стихосложение, рифма.

Summary

I.V.Gracheva. David Samoylov in Juliy Kim`s eyes.

The article deals with examination and analysis of works written by memoirists and literary critics devoted to David Samoylov`s life. Common and distinctive points of view of Juliy Kim and other literary men concerning the poet are shown in the article. There is a general image of Samoylov, attitude to him and his works reflected in their articles. Juliy Kim has revealed himself as a subtle portraitist and memoirist depicting his friend in his poetry and memoirs where he shows many-sided personality of the poet.

Key words: general image, memoirist, portraitist, poetry, memoirs, sources, versification, rhyme.